

Это был самый обыкновенный чучуна...

Для Чочура не были преградой ни реки, ни горы скалистые, ни тем более хитроумные ловушки охотников на него. Чучуна всегда издевался над горе-ловцами, старательно изображая во-круг очередной приманки следы шагов здорового существа с огромными лапищами. Ради чего ему приходилось порой под-напрячься и делать просто рекордные для его сложения и роста прыжки, потом тщательно увеличивать каждый отпечаток сво-их босых ног ровно в полтора раза и только после этого уходить от возможного преследования, перескакивая с дерева на дере-во. Пусть поломают головы: куда же он девался?

Будучи от рождения любопытным малым, он легко пере-нимал у наблюдаемых им часто бородатых людей их некото-рые навыки и привычки. Так, он научился есть сгущёнку — любимое теперь его лакомство, разводить огонь с помощью выкраденных спичек — насколько вкуснее становились мясо и рыба, приготовленные на огне, знал только он, дотоле питав-шийся лишь сырой пищей! Обнаглев, он даже унёс как-то осе-нью из палатки пару понравившихся ему до колик валенок и целую долгую зиму чувствовал себя почти человеком. Правда, привыкнув к ним (когда поизносилась обувь), стал частенько

---

¹ Снежный человек (якутск.).

прихварывать и потому раз и навсегда отказался от дурной привычки заимствовать у «гостей» вещи. Одаривал же он их по-царски: пару раз подгонял прямо к палаткам матёрых лосей; однажды, заметив, что бородачи приболели все разом и не могут уже добыть себе пищи, ночью подбросил прямо к пологу их жилища ободранного чубуку. Вот было-то радости тогда в палатке! Поправившись, люди развели возле стойбища своего громадный костёр и, бросая в огонь куски мяса и поливая его прозрачной, ярко вспыхивающей жидкостью, благодарили Байаная — духа тайги.

Каждый свой визит Чочур обставлял — как заправский режиссёр! — всеми атрибутами навещенного лагеря существом поистине диким и своевольным — медведем. Издали наблюдая потом за суматохой, каждый раз поднимавшейся в лагере по его уходу, он от души хохотал, сидя на развесистой ветви листвення-великана.

...Чучуна когда-то (зим, скорее всего, пять-шесть назад) потерял в одночасье всех родных: отца, мать, двоих братьев и сестрёнку. В тот чёрный день вдруг пошли трещинами стены, сразу же громыхнул в отдалении страшный гром — это зимой-то! — и своды их жилища рухнули, навсегда похоронив под глыбами камней его близких.

И Чочур ушёл от этих проклятых мест. Понял: житья ему не будет — слишком уж часто стали раздаваться громовые раскаты в пору самых лютых морозов. А идти чучуна мог только в сторону Главного стойбища людей — там ужасные те силы (кем бы они ни были!) не так свирепствовали. Видимо, боялись большого скопления двуногих, одетых не в звериные шкуры, а в какую-то очень хорошо выделанную разноцветную кожу. Эти люди (если их, конечно, можно было назвать людьми!) входили по утрам в самодвижущиеся пещеры и, зная, добирались в них куда только желали.

И люди стойбища как-то ухитрились жить друг над другом. Это он узнал, пробравшись тёмной ночью в одно из окраинных их жилищ. Построены были эти многоярусные пещеры из гладко обтёсанных плит. Вроде бы как знакомый ему по детским играм известняк, но прочный, что твой доподлинный булыжник...

Примерно в дневном переходе от Главного стойбища он нашёл в лесу заброшенную седоками самодвижущуюся пещеру и поселился в ней. Как ни старался кричать, упрашивать — находка его так и не тронулась с места. И Чочур понял, успокоенный, что может безбедно провести в ней зиму.

Он наткнулся на неё, полуживую, в самом конце весны. Очень красивое, гладкое её тело было всё в кровоподтёках, она и дышала-то с трудом. Чучуна заметил пробежавшего невядалеке под кустами зайца, в два прыжка настиг его и, оглушив о ствол дерева, впился зубами в артерию на шее, перервал её и направил струю горячей крови в полуоткрытый рот девушки. Не приходя в сознание, девушка жадно, захлёбываясь, пила живительную жидкость. Чучуна вмиг понял: жизнь в это чудесное тело заложена была крепкая. И воспыал к нему, к белому телу, неведомой ему ранее страстью...

Но прежде надо было вернуть девушку к жизни. Не просто напоить свежей кровью, оживить, но и привести в чувство. Чучуна взвалил «добычу» на плечо и, нимало не заботясь об удобствах подобной транспортировки, скачками понёсся к своему логову. Ведал: в укромном уголке, в естественном ледяном погребке, у него припасена едва ли не половина лосиной туши. А в костях этой туши — много, очень много вкусных мозгов. Они скоро поставят её на ноги: ведь видимых повреждений на девушке чучуна не обнаружил.

Она приходила в себя на удивление быстро. Если можно так выразиться, девушка поправлялась прямо-таки семимильными шагами, но сознание к ней ещё полностью не вернулось. Чистый воздух, родниковая вода, неприхотливая здоровая пища оказывали своё первобытное полезное воздействие. Она окрепла настолько, что бродила целыми днями около лежища чучуны, искала и находила благодаря таинственному седьмому чувству редкие в этих краях съедобные корешки растений и приносила «домой». Девушка и Чочур часто сидели по вечерам у костра и смотрели на звёзды. Чучуна при этом обычно пел своим хриловатым басом древнюю песню их рода: о пришельцах, что нагрянут с юга и принесут с собой беду...

Добыча Чочура была хороша собой — ничего не скажешь, да в том-то всё и несчастье, что только хороша собой. Чучуна же ждал от неё осмысленных ответов на свои вопросы, постоянно ей задаваемые, и на те, что таились в глубине его души. Тут следует объявить читателю, что Чочур довольно-таки свободно мог изъясняться на языке сородичей девушки: кое-каким словам людей научила его покойная мать, а большинство известных ему человеческих слов он усвоил, когда бродил вокруг палаток бородатых таёжников.

И туманным зябким утром Чочур решился на отчаянный поступок. Он знал в горах один целебный источник, тщательно скрываемый родом чучуна от чужих глаз многие столетия. Омовение в его водах *должно было* привести девушку в чувство. Но страшное табу пришлось бы нарушить чучуне в этом случае — он добровольно бы привёл к источнику *не их* женщину. И ещё знал мудрый от природы Чочур: придя в себя, девушка уйдёт от него — уж слишком они были разные...

Стояло почти уже лето. Чочур был сыт и добр. И он повёл девушку к источнику.

После первого же погружения её в тёплую целебную воду (когда взгляд девушки немного прояснился) чучуна споро овладел молодой женщиной. Потом он три дня охранял, часто и сытно кормил её, подолгу купавшуюся в водах источника.

По истечении тех долгих — и таких коротких! — дней она нежно приобняла Чочура и сказала: «Милый чучуна! Отведи меня, пожалуйста, к шоссе. Я хочу домой...»

И он отвёл её к Большой тропе, по которой часто пробегали самодвижущиеся пещеры. Они не смогли расстаться, и девушка привела его в своё жилище. Разразился грандиозный скандал: как же, мировая сенсация! Позже, когда страсти поутихли, Чочур устроился работать дворником. Работа ему нравилась. Нравилась и девушка.

Но однажды утром он пропел, стоя на балконе, свою древнюю песню, тихо спустился вниз и побежал в горы. Ему было очень легко. И очень тяжело.

В Рождественскую ночь (он не знал, что эта ночь так называлась) ему почему-то нестерпимо захотелось выйти к тому месту, где он её когда-то нашёл — обещанную, полуживую. Там стояла большая самодвижущаяся пещера. Когда чучуна подошёл поближе, глаза пещеры зажглись, знакомый голос крикнул: «Чочур!» — и на снег выпорхнула женщина — *его женщина!* — с объёмистым свертком.

Самодвижущаяся пещера громко фыркнула, обдала их вонючим синим дымом и уехала.

А они направились к лесу. К далёким белым горам. Уже втроём...